

17.07.2003

Евгений Александрович

10

ВЕЧЕРНИЙ КЛУБ
17 июля 2003

КЛУБНЫЕ ВСТРЕЧИ

18 ИЮЛЯ ЗНАМЕНИТОМУ ПОЭТУ
ИСПОЛНЯЕТСЯ 70 ЛЕТ

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО:

Наши политики сейчас совсем не употребляют слово «совесть», его у них даже в голове нет

— Вы щуритесь! У вас, наверное, зрение не очень хорошее? Близорукость? — поинтересовался Евгений Евтушенко — человек, которого никому не нужно представлять, — когда я с важным видом раскрыла блокнотик и приготовилась к интервью.
— Д-д-да, немножко, — растерялась я.
— А почему очки не носите? Обязательно носите, иначе морщинки около глаз появятся.
И не надо стесняться. Я всегда говорил: женщина в очках — это две женщины! Так и напишите. Или нет, лучше по-другому: женщина в очках — это гарем из двух женщин. После такого вступления я и правда перестала стесняться, хотя, пока ехала к Евгению Александровичу в Переделкино, от смущения чуть не забыла куртку в вагоне электрички. Это же не просто интервью, а разговор, можно сказать, с выразителем мысли поколения и чувств эпохи! Того поколения, которое постарше. А я в свои несерьезные 21 год — младшее поколение, племя молодое, незнакомое. Как уж тут не растеряться!
С эпохи мы нашу беседу и начали.

ОБ ЭПОХЕ

— Евгений Александрович, вы были голосом той эпохи, которая на наших глазах так неожиданно закончилась. А как вы себя чувствуете в нынешнем времени?

— Двойко. Сейчас я это объясню, начну с самого начала. Я немало видел хороших людей, их вообще на свете большинство. Но редко я видел столько собравшихся вместе замечательных лиц, воплощающих все лучшее, что есть в России, как в ночь на 19 августа 91-го года. В тот день, когда в нашу жизнь хотело въехать прошлое на танках.

— Но ведь это прошлое — ваше время.

— Это не означает, что мне все не нравится в нашем прошлом. Совсем нет. Но я знал, что это за прошлое! Моя память начинается с 1937 года, когда арестовывали двух моих дедушек. И мы с мамой ходили на улицу Матросская Тишина, узнавали, что с ними. Один из них не вернулся, другой вернулся совершенно сломанный. Но это касалось не только меня, я знал, сколько урона это нанесло нашей стране. И я понимал, что это все очень непросто и начнутся аресты.

— Вы не преувеличиваете?

— Что вы! Потом мы убедились в этом. В наши руки попал документ, где специальным секретным указанием МВД нашему военному ведомству заказали двести тысяч наручников. То есть начались бы аресты, были и списки депортаций, их потом пытались уничтожить. Началась бы гражданская война. Я не думаю, что у нас повторился бы террор в сталинских размерах, был бы мини-ГУЛАГ. Но и мини в наших русских размерах — этого было бы достаточно.

— Вы говорили про 19 августа...

— Тогда я приехал в Белому дому — и представьте, там было всего человек 70 вооруженных людей, я их сосчитал. Всего! Против танков! Представляете, что это такое? Танки, к счастью, остановились. А потом на телевидении нашлись смелые люди, которые, несмотря на то, что им грозили, показали Ельцина влезшим на танк и человек триста было вокруг него. Вся страна это увидела. И вечером случилось чудо: такого количества замечательных людей я давно не видел! Там были триста или четыреста матерей с колясками, в которых были младенцы. Они встали живым кольцом, чтобы не пустить танки! А еще там были совершенно разные люди — рабочие, интеллигенты, актеры, такие старички миленькие, пьяненькие чуть-чуть, рыбаки — вы знаете, что они делали? Лески ставили! Какие-то палочки втыкали в землю и опутывали их рыболовными лесками. Чтобы кто-нибудь споткнулся, когда штурм начнется. Вот и вся защита.

— И они смогли остановить штурм?

— Да, путь не удался в основном из-за этих людей. Когда альфовцы, профессиональные диверсанты, увидели это, они отказались исполнять приказ. Белый дом можно было захватить за двадцать минут, но нужно было пройти сквозь людей и сквозь кровь, и сквозь младенцев в этих колясках, сквозь этих женщин, сквозь этих старичков. Мы позднее узнали, что к Язову в штаб приехала жена и сказала: «Ты пойдешь хоть посмотри, какие там люди — вы что, по людям пойдете?». Она как русская баба на защиту встала. Язов недалекий человек, но совесть старого служаки ему не позволила через это пройти. И вот этим людям Ельцин и демократия обязаны спасением демократии.

— Почему же это вызывает у вас двойное ощущение?

— Потому что эти люди надеялись на лучшую жизнь. Это была такая эйфория! На следующий день, 20-го числа, был митинг, и это была самая большая аудитория моей жизни, хотя, может быть, ни один поэт в мире не выступал перед такими громадными аудиториями, как я. Я хотел Пушкина прочесть. И вдруг передо мной один адвокат прочитал то же, что я собирался: «Товарищ, верь, взойдет она, звезда пленительного счастья». Это тогда у всех было в душе. Я помню замечательную речь Боннэр, она сказала: «Они думали, что мы было. А мы

сами себе показали, что мы народ!». Я никогда не чувствовал с такой силой ощущение народа. Мы все надеялись тогда на лучшее.

— И эти надежды не оправдались?

— Знаете, я был в двух эйфориях, вторую только что описал, а первая — это 1945 год, когда была окончена война, когда танцевали женщины в танкетках или в кирзовых сапогах — друг с другом или с нами, мальчишками. Сталин тогда единственный раз покался перед народом: он в своем тосте сказал, что «мы виноваты» по отношению к нашему народу. Все ждали, что откроются двери тюрем и оттуда все выйдут, в том числе и мои два дедушки. Ничего этого не произошло, началась холодная война, потому что Сталин испугался людей, ощутивших себя победителями фашизма. И наступили закрутки гаек, кампании против космополитов, аресты. Точно так же не оправдались и наши надежды в 1991 году. Казалось, что откроются двери в какой-то новый мир, наступят мир и благоденствие. А получилось по-другому...

О ВЛАСТИ

— На ваш взгляд, какие были самые крупные промахи новой власти?

— Во-первых, Ельцин не имел никакого права устраивать это собрание в Беловеж-

ской Пуще и решать вопросы о конце Советского Союза. Это было незаконно. А почему он это сделал? Чтобы от Горбачева избавиться, потому что Горбачев оставался бы президентом СССР. При роспуске Союза я лично предлагал — и это надо было сделать — отделить вопрос о Прибалтике от всех остальных республик. В Прибалтике была аннексия по сговору с Гитлером, и документы об этом были. Горбачеву надо было поехать туда не для того, чтобы уговаривать их остаться, а приветствовать их независимость, поздравить, быть первым гостем, — и, поверьте, мы бы сейчас не имели такого плохого положения нашего русского меньшинства в этих республиках. А он вел себя двусмысленно, верил местным коммунистам, которые его дезинформировали о состоянии умов, а потом это пошло как снежный ком, особенно после того, как наши спецназовцы так вели себя в Вильнюсе.

— Это еще Горбачев, а Ельцин?

— Хотя он в общем был не очень демократическим человеком, в нем были и хорошие качества. Но он не прошел теста властью, даже не столько он, а его окружение. Он извлекся постепенно от тех, кто говорил ему правду, и оказался окружен группой подхалимов, дельцов. Отсюда и чудовищные ошибки. Приватизация была проведена безграмотно и безнравственно, за бесценок продавались государственные предприятия. Нам долго еще придется избавляться от коррупции. Мы до сих пор еще не нашли ни одного из тех, кто стоял за спиной заказных киллеров — НИ ОДНОГО! Такого вообще в мировой практике не бывает. Ну хоть одно, хоть два убийства должны были раскрыть, так ведь нет!

Наша демократия специфична, это недемократическая демократия. Вы не заметили, что наши политики сейчас совсем не употребляют слово «совесть»? Если бы они были опытными лицемерами, они бы его все время употребляли, но его у них даже в голове нет. Они думаю о какой-то прагматике — а прагматизм, лишенный духовности, он даже как прагматизм не срабатывает. И мы продолжаем делать огромное количество глупостей.

— Что вы имеете в виду?

— Привожу пример. Если мы делаем такие замечательные космические корабли, почему мы не можем научиться делать такие же замечательные автомобили? Можно это объяснить? Это же несопоставимые вещи по классу! А потому, что лучше получать прямые прибыли от иностранных фирм, продавать им лицензии, класть в карман деньги. И что делается? Власть пытается сохранить нашу автомобильную промышленность, взвинчивая налоги на иностранные машины. Людей заставляют покупать или дорогие, или плохие машины. Цены на

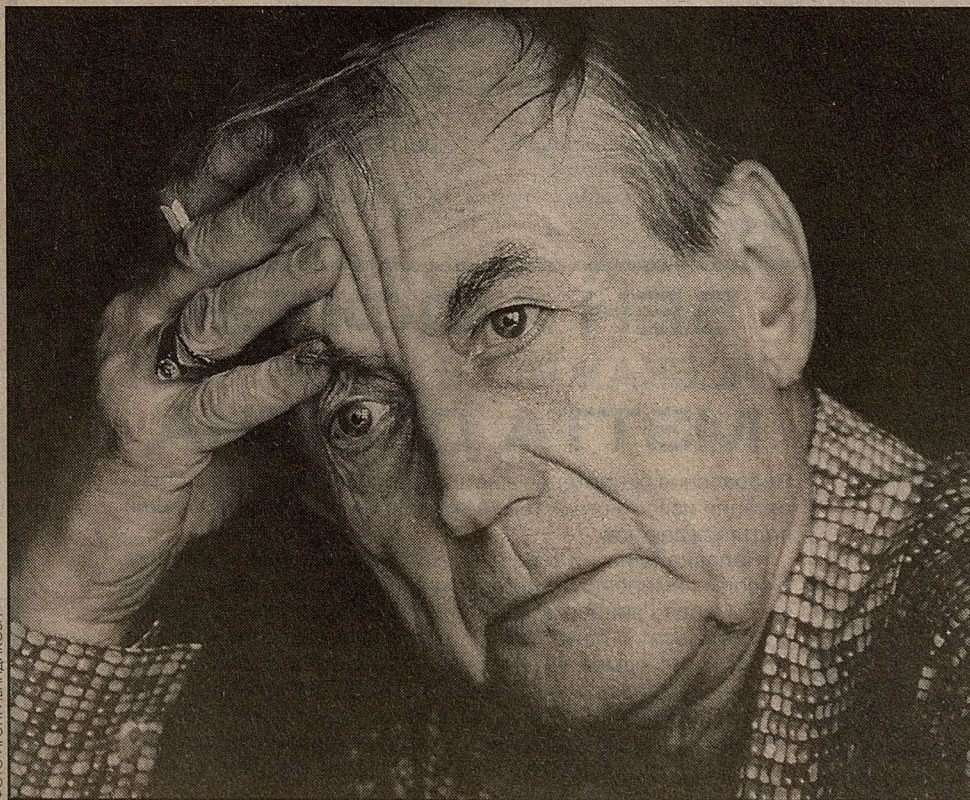

ФОТО ИГОРЯ ИВАНДИКОВА

наши машины все равно остаются ниже, чем на иностранных, и их будут покупать. Но как так можно – насильно загонять людей в эти рамки? В условиях свободного рынка это невозможно. Вот и получается, что нечистые на руку чиновники вредят самому рынку и в результате экономическим интересам страны.

О ВОПЛОТИВШЕЙСЯ МЕЧТЕ

– Евгений Александрович, вот вы так критически о нынешнем положении в стране отзываетесь, а ведь многие бы сказали, что раз все так плохо, то и не стоило проводить все эти реформы...

– Все плохо? Сейчас посмотрим. Вы знаете, что такое выездная комиссия?

– Это когда принимают экзамены.... нет, это комиссия которая выезжает куда-то решать какие-то вопросы...

– Господи! (От души смеется)

– Это хорошо или плохо, что я не знаю?

– Это замечательно! Потому что выездная комиссия – это комиссия, состоявшая в основном из бывших партийных пенсионеров и кагэбэшников, которые сидели в каждом райкоме и решали при выезде человека за границу, дать ему такое разрешение или нет. Меня самого снимали три раза с поезда, три раза – с самолета. После смерти Сталина, в 1955 году, я написал стихи: «Границы мне мешают, мне неловко не знать Буэнос-Айреса, Нью-Йорка, хочу шататься сколько надо Лондоном, со всеми говорить, хотя б на ломаном...». И я горжусь тем, что в горбачевское время я первым в своей программе и в своих речах требовал, чтобы эти выездные комиссии, унижающие достоинство советского человека, были уничтожены. Я превратил свои стихи, свою мечту – в реальность. Мы же жили в мире, когда у нас был украден весь остальной мир.

– Но ведь и сейчас, хотя границы открыты, не все могут увидеть этот остальной мир.

– Почему? В 1998 году, перед дефолтом, три с половиной миллиона российских граждан были за границей! У нас нет столько новых русских. Я в это время путешествовал по Европе, там были девчата из Воронежа, за маленькие деньги, на каком-то обшарпанном автобусе, с рюкзаками... За 700 долларов – докризисных – они посмотрели четыре страны! Я всюду слышал русский говор, видел наших ребят, был так счастлив! Так что у нас и хорошие изменения происходят.

О ЛИТЕРАТУРЕ

– Евгений Александрович, давайте я вас о современной литературе спрошу. В каком она у нас положении, на ваш взгляд?

– У нас есть федеральная программа поддержки литературы. И такие программы должны быть. Демократия – это когда государство помогает литературе и искусству, но не контролирует их политически. Программа есть, но выполняется очень скупно. Вот один пример: в Америке сейчас где-то 50-60 крупнейших агентств, которые устраивают выступления писателей. У нас – ни одного! Все разрушено!

– И денег, наверно, ни на что не хватает.

– Да, вот был такой случай: вместе с предпринимателем Витей Яковлевым, который арендовал издательство и помогал нам, мы просили федеральной поддержки и получили отказ. Это было отказано русскому поэту, который является, по всем данным, самым известным и переводимым поэтом во всем мире. Если не нашлось денег помочь мне с изданием книги, то что делать начинающему писателю? Есть замечательный поэт Инна Кабыш, я недавно выступал на ее вечере в ЦДЛ. Это единственный поэт, которого можно сейчас поставить на уровне Беллы Ахмадулиной. Ее книгу второй раз издают в Саратове: сначала выпустили 500 экземпляров, прочли и напечатали еще 1000. А почему не включить ее в федеральную программу?

– В то же время кажется, что не вся наша культура в таком уж плачевном состоянии. Театры, например...

– Да, театрам помогают нынешние капиталисты, иначе где же они еще будут надевать свои пиджаки от Армани, а их жены будут демонстрировать свои бриллианты! Но как же поэзия? Раньше иностранцы приезжали – они просто обалдевали, когда виде-

ли 30 тысяч человек на площади Маяковского! Они видели стадионы, которые вашему поколению уже не увидеть. И эти стадионы собирали поэты, литераторы. А сейчас... Молодые люди вашего поколения заманены попсой, попса поет чудовищные песни, в которых нет никакого художественного вкуса. Вы понимаете, люди, которые аплодируют таким песням, они же уже не могут читать Пастернака и Мандельштама, и даже такого поэта, как Евтушенко. Попса же проще – как жвачка. Ритм заменяет смысл. И это поколение, пропавшее для поэзии.

– Евгений Александрович, неужели мы совсем безнадежны?

– Нет, что вы! Мы выступали два года назад на открытии моего дома-музея в Сиби-

ральная оценка. Мне, честно говоря, не очень нравится, как она высокомерно пишет о России в Америке и об Америке в России. Я считаю, что человек не должен меняться в зависимости от своего местоположения. Видел как-то ее интервью с нашими двумя журналистами и мне не понравилось, как она высокомерно себя вела. Она все время их унижала, мне было просто неловко.

О РАБОТЕ

– Евгений Александрович, чем вы сейчас заняты?

– На Франкфуртской книжной ярмарке будет представлен мой перевод «Слова о полку Игореве». Я сам себе не верил, когда

всего человечества, хотя сам был невыезженным. А сейчас у нас открыты границы – и не используются появившиеся вместе с этим возможности. Например, я считаю, Пушкин-институт в будущем должен был бы организовывать встречи американских писателей с русскими. Почему мы встречались во времена холодной войны и не встречаемся сейчас? А потом нужно организовать и встречи с писателями других стран. И еще – помочь восстановлению Дня поэзии в Москве. Причем сделать его не замыкающим в российских границах, а приглашать самых известных поэтов. Вот недавно приезжал в Москву Шеймас Хини, один из лучших поэтов мира, лауреат Нобелевской премии, и его никто не встретил, не организовал ничего, это же просто невероятно! Всю эту работу должен взять на себя Пушкин-институт.

О ВОЗРАСТЕ И ЖИЗНИ

– Вот я сейчас был на Потемкинской лестнице в Одессе. Сидел и думал о жизни. Мимо шли стайки выпускников. (Восхищенным шепотом) Девочки такие красивые – с ума можно сойти! Просто боль в сердце – Господи, почему мне не столько же лет? Но если честно, я бы никогда не обменял свою жизнь на любую другую. Только при условии, чтобы у меня память не исчезла. Я очень дорожу своей памятью и тем, что у меня происходило в жизни. Считаю, что прожил жизнь не зря. Эта жизнь похожа на приключенческий роман. Я пережил столько потерь и трагедий, видел столько смертей, столько прекрасных людей в тяжелых ситуациях – и они вели себя замечательно. Я столько видел хороших людей – да и подлеев тоже, но все равно хороших людей больше. Просто они хуже организованы.

Встречалась
Наталья РОЖКОВА

**«Надо с людьми разговаривать
серьезно о серьезных вещах –
вот по чему тоскует народ.
И сейчас очень хороший момент
для этого, я это чувствую»**

ри. Там на наши выступления огромное количество людей приходило – в Братске, в Иркутске! Приезжал Саша Кушнер – а он совсем другой поэт, чем я, – элитарный. И его слушали, как мне было приятно это видеть! Я даже подумал, что недооценивал нашу публику, она прекрасно понимает стихи. Были гости из Франции, очень сложные поэты, они читали по-французски – с переводом, конечно, – и как их слушали, это потрясало! Надо с людьми разговаривать серьезно о серьезных вещах – вот по чему тоскует народ. И сейчас очень хороший момент для этого, я это чувствую, но надо, чтобы кто-то этим занимался. Государство должно проявить свою инициативу. Почему в сложное время цензурных преследований у нас литература была лучше? Это же правда!

– Но ведь как раз тех писателей, которых сегодня ставят в пример, государство не поддерживало.

– А народ? Народ поддерживал! Переписывал стихи, они ходили в рукописях. Но их и печатали тоже, бывали же случаи. Мой «Бабий Яр» был напечатан. Редактора сняли на следующий день, но в Советском Союзе не было человека, который не прочел бы это стихотворение. Или «Наследники Сталина» – это же было напечатано в «Правде»! А поэма «Братская ГЭС» – о ней вопрос решался на Политбюро! Это же уникальный случай: цензура остановила поэму, а маленькая партийная ячейка журнала «Юность», человек пятнадцать, отказалась повиноваться приказанию секретаря по идеологии Ильичева. Написали письмо в Политбюро, поэму разрешили, правда, сильно покорректировали – в первом варианте было 539 поправок.

– Из современных авторов кого бы вы отметили?

– Из поэтов мне нравится, как я уже сказал, Инна Кабыш. Сейчас, к сожалению, они все нуждаются в раскрутке. В этом могло бы помочь телевидение, но там все экраны завалены попсой. Хотя, когда я начинал свою программу «Поэт в России больше чем поэт» и прочел там 104 лекции, у нее рейтинг был больше миллиона. И я получил премию за лучшую просветительскую передачу. Но ее старались остановить, говорили, что народ наш не хочет слушать стихи, что он любит песни, сериалы, приключения.

– А из прозы что можете назвать? Все сейчас читают Акунина, Маринину...

– Что касается Акунина, то он великолепный профессионал. Это беллетристика высокого класса. Маринина профессиональна в уголовных делах, она работает в своем плане честно и не претендует ни на что большее. А Чхартишвили – Акунин, кстати, сам весьма иронично отзываясь о своем творчестве, называет его развлекательной литературой. Мне нравится Улицкая – и как личность, и как писатель. Я читал ее замечательное интервью, достойно себя ведет, имеет сейчас успех в Европе, но совсем не зазналась. Пелевин... Мне кажется, что, несмотря на все свои неудачи, он безусловно талантливый человек. Татьяна Толстая... У нее хорошее, бойкое перо, но в этом эпитете «бойкое» есть и положительная, и отрица-

